

УДК 327.56

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Иванов Олег Борисович,

Заслуженный юрист Московской области,
руководитель Центра урегулирования конфликтов,
Москва, Россия,
E-mail: sovetmomo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция общественной мысли по проблеме соотношения военного и политического компонентов социальных отношений, места военных конфликтов в политическом процессе. Анализируются основные классификации военных конфликтов и их познавательные возможности. Исследуется трансформация современных представлений о военных конфликтах в связи с развитием в науке таких понятий, как «мягкая сила», «информационная война» «гибридный конфликт (война)». Автор приходит к выводу, что в теории конфликтов военные конфликты представляются как экстраординарная форма отношений, выходящая за рамки обычного политического процесса, а иногда – и за рамки политики в целом.

Ключевые слова:

военный конфликт, политический процесс, мягкая сила, информационная война, гибридная война.

Соотношение политики и войны как форм общественных отношений с древнейших времён является предметом внимания мыслителей. Гераклит Эфесский видел источники развития в некоторых универсальных свойствах мира в целом, в его противоречивой сущности. Он отмечал: «Война – отец всех вещей, а мир – их мать... Одним она определила быть богами, а другим – людьми, одних она сделала рабами, других – свободными» [6, с. 89]. Таким образом, античный философ декларирует диалектическое единство войны и мира, вражды и политического процесса, которые, тем не менее, являются разными состояниями общественной жизни. Аналогичных взгля-

дов придерживался Эпикур, который тем не менее считал, что негативные последствия столкновений вынудят когда-то людей жить в состоянии постоянного мира. В целом, война рассматривается в этот период в связи с политическим процессом, но в то же время как нечто иное, «не-политика».

В философии Средних веков военные конфликты и политические процессы анализируются в контексте теологии. Христианская философия в соответствии с принципами Евангелия стремилась доказать преимущества мира, согласия и братства между людьми. На рубеже II–III вв. ее видные представители доказывали несовместимость войн с учением Христа, что, однако, вряд ли

повлияло на естественный ход исторического развития. В дальнейшем этот принцип был поставлен под сомнение [8, с. 435]. В частности, церковные идеологи оправдывали крестовые походы как «справедливые» войны, хотя внутри Европы церковь чаще всего выступала в роли миротворца.

В эпоху Возрождения мыслители выступали прежде всего с позиций гуманизма, осуждая вражду и насилие. Такого рода высказывания мы находим в работах Т. Мора, Эразма Роттердамского, Ф. Рабле. Особняком в этом плане стоит творчество Н. Макиавелли. В его работах конфликт, в том числе и военный, трактуется как один из инструментов политики.

Следует обратить внимание на размышления Ф. Бэкона, касающиеся конфликтов и методов их урегулирования. Его «Эссе о гражданской и моральной жизни» во многом посвящено вопросам предотвращения внутривластных вооружённых конфликтов (восстаний, мятежей), которые в период позднего Средневековья и на этапе Нового времени были почти что неизменным атрибутом политической жизни Англии. В этих условиях грань между военным и политическим конфликтом неизбежно размывается. Поэтому Бэкон указывает, что политика требует «разделения и раскалывания враждебных государству союзов», а «прекрасной мерой» предотвращения конфликтов является забота о том, чтобы у недовольных не нашлось вожака, объединяющего их. Также правителю нужно «иметь под рукой» людей, способных подавлять мятежи [3].

Соотношение военного и политического, рассматриваемое в несколько метафоризированном ключе – один из важных аспектов эпохального для общественной мысли труда Т. Гоббса «Левиафан». Война как состояние хаоса, борьбы всех против всех противопоставляется миру, обеспечиваемому государством как политическим институтом в рамках общественного догово-

ра. Таким образом, вооружённый конфликт должен быть исключён из внутривластной повестки дня как ненормальное для неё явление. Однако того же нельзя сказать о внешнеполитической среде государства.

Хотя Вестфальский мир заложил основы национальных государств как основных субъектов мировой политики, в дальнейшем наступление эпохи социальных революций, интервенций как средства борьбы с ними, и «освободительных войн» как средства их распространения приводят к отсутствию чёткости в разграничении внутри- и внешнеполитических процессов. Это проявляется и в сфере социальных учений. В первую очередь, следует отметить появление работ, авторы которых стремятся вписать военные конфликты в русло политических, и, шире, общесоциальных процессов. Наиболее известным из них является сочинение К. Клаузевица «О войне», где речь, в частности, идёт о том, что «война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [12, с. 16]. Согласно этому мнению, война подчинена политике и ведётся для достижения определённых политических целей.

Формируются также концепции, в которых война рассматривается как проявление общеэволюционных процессов, связанных с «естественным отбором» и поддержанием ресурсного баланса в обществе. К таковым относится теория Т. Мальтуса, согласно которой рост средств существования людей «естественным образом» отстаёт от роста народонаселения. Борьба за средства существования делается, таким образом, неизбежной, поэтому военные конфликты объявляются «вечными» [1, с. 45–88]. В русле схожего подхода возникло направление, называемое социальным дарвинизмом (Г. Спенсер, У. Самнер, Л. Гумплович). Согласно взглядам этих исследователей, в обществе существуют механизмы «есте-

ственного отбора», позволяющие успешно развиваться наиболее приспособленным индивидам. Однако формы развития возникающих на этой основе конфликтов могут существенно различаться в зависимости от типа культуры, господствующих социальных норм и т. д. Поэтому общество способно эволюционировать от военных методов разрешения конфликтов к политическим.

Наконец, в трудах К. Маркса обосновывается возможность, и даже необходимость внутривнутриполитических вооружённых конфликтов революционного типа, направленных на смену социально-экономических формаций. С точки зрения Маркса, классовые конфликты являются движущей силой развития общества, обеспечивая переход к новым этапам развития (формациям). Наиболее эффективным способом такого перехода считается революционный путь, позволяющий провести преобразование социальной структуры в кратчайшие сроки («революции – локомотивы истории»). В дальнейшем на этой основе была разработана концепция «мировой революции», сопровождаемой классовой войной, фактически стирающей грань между внутри- и внешнеполитической конфликтностью.

Теоретики формирующейся в XX в. конфликтной парадигмы исследования социальных процессов также уделяли существенное внимание тематике военных и политических конфликтов. Военные конфликты рассматриваются ими как выполняющие преимущественно негативные, разрушительные функции. Задачей же трансформации, управления социальными конфликтами становится их перевод в конструктивные формы развития, что обеспечивается в первую очередь с помощью механизмов политической институционализации. Так, Л. Козер отмечает, что конфликт бывает дисфункционален для тех социальных структур, которые нетерпимы по отношению к нему, в которых он не институализирован. Чрезмерная жесткость социальной структуры прово-

цирует конфликт с катастрофическими последствиями для общества. Повышение степени институционализированности конфликта влияет на уровень согласия сторон по поводу способов и методов взаимодействия в нём, позволяя лучше контролировать возможные последствия тех или иных действий. Высокоинституционализированные конфликты отличает возможность коллективного управления их развитием, а также чёткое определение момента окончания конфликта [13, с. 188]. Военные конфликты можно отнести к числу низкоинституционализированных, в предельном случае – деинституционализированных. В этом заключается, с позиций Л. Козера, основное различие между военной и политической борьбой.

Аналогичных позиций придерживается и Р. Дарендорф, утверждая, что «конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в какой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» [7, с. 145–146].

В современной науке о конфликтах изучению роли военных конфликтов в политическом процессе также уделяется определённое внимание. Оно сосредоточено на таких аспектах, как содержательная составляющая военно-политических конфликтов и возможности их типологизации (Э. Мирбашир оглу [16, с. 115–118]), возможности использования политических методов в их урегулировании (А. В. Загребельный [9, с. 182–191], П. В. Калмыков [10, с. 75–77]), особенности отдельных видов военно-политических конфликтов (Анкудинов Е. В. [2]). Кроме того, ряд известных исследователей политической конфликтности (А. В. Глухова, А. В. Дмитриев и др.) в своих работах затрагивают проблематику военных конфликтов в политическом процессе. Так, А. В. Глухова отмечает, что политический конфликт не равнозначен военному конфликту, воору-

женной борьбе, хотя в экстремальных случаях может ею заканчиваться. Но военный конфликт подчиняется собственным законам, включая технические [5, с. 27].

В ходе исследования роли и места военных конфликтов в политике сложились их основные классификации. В первую очередь следует выделить наиболее востребованное в научных работах разделение таких конфликтов на внутривнутриполитические и внешнеполитические. К первым можно отнести гражданские войны, вооружённые восстания, сепаратистские вооружённые конфликты и др. Ко второму типу относятся вооружённые конфликты между государствами или их коалициями, а также военные действия против международных террористических организаций.

Достаточно часто используется классификация конфликтов в зависимости от их масштаба. В данном ракурсе можно выделить локальные военные конфликты (на уровне отдельных регионов или районов государства либо в виде столкновения между двумя государствами, в которое не вовлечены другие акторы); региональные (как правило, с прямым или косвенным участием нескольких государств одного региона, а также с возможным вовлечением государств, находящихся за его пределами); глобальные (с вовлечением наиболее значимых государств современного мира, грозящим перейти в открытые военные действия друг против друга).

Можно применить и классификацию, опирающуюся на длительность протекания конфликта. В её рамках выделяются краткосрочные военные конфликты (как правило, длительностью до нескольких недель), среднесрочные (до года), длительные или затяжные (стороны могут вести, прекращать и возобновлять военные действия в течение неопределённо длительного периода).

Военные конфликты также включаются в качестве одной из категорий в некоторые классификации, широко используемые в со-

временной конфликтологии. К примеру, известный американский конфликтолог А. Раппопорт выделил три типа конфликтов: спор, игра и война. В первом случае стороны стремятся достичь своих целей путем убеждения друг друга. Во втором случае стороны могут применять насильственные, принудительные действия, но лишь в рамках установленных правил. Стороны используют любые методы, в том числе и насильственные, не будучи чем-либо ограничены. Данный тип конфликтов чреват быстрой эскалацией. Таким образом, и в классификации Раппопорта конфликт военного типа связывается с отсутствием каких-либо ограничений, что препятствует его регулированию и фактически выводит его за рамки политического процесса.

На современном этапе развития социально-гуманитарных знаний в целом сложившиеся представления о военных конфликтах подвергаются существенной корректировке в связи с появлением в поле научных дискуссий таких понятий, как «мягкая сила», «информационная война», «гибридный конфликт». Они расширяют сложившиеся представления о самом понятии и формах конфликтных отношений, в том числе и в виде военных действий.

Первое из этих понятий зарождается в русле «стратегии не прямых действий», которую сформулировал в своих исследованиях английский военный теоретик Б. Лиддел Гарт. Он отмечал, что метод не прямых действий является основным в области политики, а изменение взглядов достигается легче и быстрее незаметным проникновением новых идей [14, с. 4]. В русле данной идеи разрабатываются концепция «мягкой силы» (Дж. Най [21]) и технологии непрямого воздействия на оппонентов в конфликтах. Как отмечает И. В. Шамин, в современной науке, прежде всего в работах западных ученых, сформировалось направление, изучающее «непрямые технологии» геополитической борьбы [20, с. 3]. Некоторые

отечественные исследователи считают, что стратегии непрямых действий и «мягкой силы» – это особые технологии её осуществления [11].

Использование «мягкой силы» предполагает способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников [17]. Политическое влияние государства, согласно этой концепции, конвертируется в политические дивиденды за счет символического капитала культуры, политических (демократических) ценностей и смыслов. Данный капитал позволяет формировать положительное общественное мнение в отношении его обладателя, которое может стать ресурсом в условиях латентных, не перешедших в острую фазу конфликтов.

Более агрессивным, хотя и не выходящим за рамки косвенного влияния, является управление на основе информационного воздействия в условиях открытого конфликта. Оно может быть направлено, к примеру, на консолидацию противников существующего политического режима, ослабление его позиций в общественном сознании и т. д. Действия такого типа нацелены на достижение решающего преимущества над оппонентом, закрепляемого через трансформацию его политической системы на основе внедрения институтов определённого типа. А. В. Манойло видит в этом основное отличие англосаксонской модели управления конфликтами, тогда как в рамках западноевропейской модели не ставится задача путем прямого вмешательства изменить политические системы в государствах-участниках конфликта [15, с. 69]. Подобные стратегии управления конфликтами, призванные обеспечить доминирование какого-либо из участников конфликтов, переносятся с международного на национальный уровень, в том числе за счет вмешательства внешних сил в региональные внутригосударственные конфликты.

Крайней формой такого информационного воздействия считается инфор-

мационная война. Г. Г. Почепцов считает, что «информационная война представляет собой всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдать должное значимости и ценности информации в вопросах командования, управления и выполнения приказов вооруженными силами и реализации национальной политики» [19, с. 36]. По мнению Н. И. Панарина, информационная война – это «комплексное совместное применение сил и средств информационной и вооруженной борьбы» [18, с. 21]. Исходя из этого, информационная война может вестись без непосредственного вторжения на территорию противника или сопровождать такое вторжение. С другой стороны, расширительное использование данного понятия размывает его сущностные характеристики, которые и так остаются весьма неопределёнными в современной науке.

Наконец, термин «гибридный конфликт» («гибридная война») отражает смешанную стратегию ведения конфликта, в которой тесно переплетаются военные и невоенные составляющие. В настоящее время этот концепт ещё не в достаточной степени разработан. Начальник Генерального штаба вооруженных сил России В. Герасимов подчёркивал, что «гибридная война» включает в себя асимметричные формы ведения военных действий. Акцент военных действий сместился в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, направленных на активизацию протестного потенциала населения [4]. Кроме того, достаточно широко применяются нерегулярные военные формирования, сложная техника, экономические методы воздействия на оппонентов (блокада, санкции и т. д.).

Таким образом, представления о военных конфликтах и их месте в политическом процессе эволюционируют в процессе развития общественной мысли. Большинство исследователей подчёркивает наличие ряда принципиальных отличий, которые делают

военный конфликт экстраординарной формой политики, а в некоторых случаях – выводят его за рамки политики, превращая военное в антитезу политического. В связи с развитием сетевого общества формы и методы ведения противоборства с элементами военных действий значительно изменились, что требует переосмысления как самого понятия, так и влияния стоящих за ним явлений на политический процесс.

1. Акаев А.А., Коротаев А.В., Малинецкий Г.Г., Малков С.Ю. (ред.). Проекты и риски будущего: концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: Красанд, 2011.
2. Анкудинов Е.В. Гражданская война как военно-политический конфликт // http://www.rusnauka.com/13.DNI_2007/Politologia/21231.doc.htm.
3. Бэкон Ф. Эссе о гражданской и моральной жизни // Собр. соч.: В 2 т. М., 1979. Т. 2.
4. Герасимов В. Ценность науки в предвидении // <http://vpk-news.ru/articles/14632>.
5. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика: Теоретико-методологический анализ. М.: Эдиториал УРСС, 2010.
6. Гуроров В.В. Античная социальная утопия. Л., 1979.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5.
8. Дмитриев А.В. Социальный конфликт. Общее и особенное. М. 2002.
9. Загребельный А.В. Несиловые способы урегулирования военно-политических конфликтов: концептуальные подходы // PolitBook. 2013., № 1.
10. Калмыков П.В. теория и практика предотвращения военных конфликтов современности // Власть. 2007. № 4.
11. Карякин В.В. Россия как цель реализации стратегий «непрямых действий» и «мягкой силы» внешнеполитических акторов // <http://www.riss.ru/?newsId=943>.
12. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
13. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000.
14. Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. М.: Иностранная литература, 1957.
15. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами // Политэк. 2008. № 3.
16. Мирбашир оглу Э. Сущность военно-политических конфликтов и их основные разновидности // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 8.
17. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10.
18. Панарин И.Н. Информационная война и власть. – М.: Мир безопасности, 2001.
19. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000.
20. Шамин И.В. Технологии «прямых» и «непрямых» действий и их применение в современном международно-политическом процессе: дис. ... д. пол. н. Нижний Новгород, 2011.
21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
1. Akaev A.A., Korotaev A.V., Malineckij G.G., Malkov S.Yu. (red.). Proekty i riski budushhego: koncepcii, modeli, instrumenty, prognozy. M.: Krasand, 2011.
2. Ankudinov E.V. Grazhdanskaya vojna kak voenno-politicheskij konflikt // http://www.rusnauka.com/13.DNI_2007/Politologia/21231.doc.htm.
3. Be'kon F. E'sse o grazhdanskoj i moral'noj zhizni // Sobr. soch.: V 2 t. M., 1979. T. 2.
4. Gerasimov V. Cennost' nauki v predvidenii // <http://vpk-news.ru/articles/14632>.
5. Gluxova A.V. Politicheskie konflikty: osnovaniya, tipologiya, dinamika: Teoretiko-metodologicheskij analiz. M.: E'ditorial URSS, 2010.
6. Gutorov V.V. Antichnaya social'naya utopiya. L., 1979.
7. Darendorf R. E'lementy teorii social'nogo konflikta // Socis. 1994. № 5.
8. Dmitriev A.V. Social'nyj konflikt. Obshee i osobennoe. M. 2002.
9. Zagrebel'nyj A.V. Nesilovye sposoby uregulirovaniya voenno-politicheskix konfliktov: konceptual'nye podxody // PolitBook. 2013., № 1.
10. Kalmykov P.V. teoriya i praktika predotvrashheniya voennyx konfliktov sovremennosti // Vlast'. 2007. № 4.
11. Karyakin V.V. Rossiya kak cel' realizacii strategij «nepryamых dejstvij» i «myagkoj sily» vneshnepoliticheskix aktorov // <http://www.riss.ru/?newsId=943>.
12. Klauzevic K. O vojne. M.: Gosvoenizdat, 1934.
13. Kozler L. Funkcii social'nogo konflikta. M.: Ideya-Press, 2000.
14. Liddel Gart B. Strategiya nepryamых dejstvij. M.: Inostrannaya literatura, 1957.
15. Manojlo A.V. Psixologicheskie operacii: modeli i texnologii upravleniya konfliktami // Polite'ks. 2008. № 3.
16. Mirbashir oglu E'. Sushhnost' voenno-politicheskix konfliktov i ix osnovnye raznovidnosti // Zhurnal nauchnyx publikacij aspirantov i doktorantov. 2009. № 8.
17. Naj Dzh. «Myagkaya sila» i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl'-XXI. 2004. № 10.
18. Panarin I.N. Informacionnaya vojna i vlast'. – M.: Mir bezopasnosti, 2001.
19. Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. M.: Refl-buk, K.: Vakler, 2000.
20. Shamin I.V. Texnologii «pryamых» i «nepryamых» dejstvij i ix primenenie v sovremennom mezhdunarodno-politicheskome processe: dis. ... d. pol. n. Nizhnij Novgorod, 2011.
21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.

UDC 327.56

ARMED CONFLICT AS A FORM OF POLITICAL PROCESS

Ivanov Oleg Borisovich,

Honored Lawyer of Moscow Region,
The head of the Center of settlement of conflicts,
Moscow, Russia,
E-mail: sovetmomo@mail.ru

Annotation

This paper describes the evolution of public opinion on the issue of the relation of the military and political components of social relations, place of military conflicts in the political process. Analyzes the basic classification of armed conflicts and their educational opportunities. We study the transformation of modern ideas about the military conflicts in connection with the development of science concepts such as «soft power», «information war», «hybrid conflict (war)». The author concludes that the theory of conflict armed conflicts presented as an extraordinary form of relationship that goes beyond the usual political process, and sometimes – and the scope of the policy as a whole.

Key words:

armed conflict, political process, soft power, information war, hybrid war.